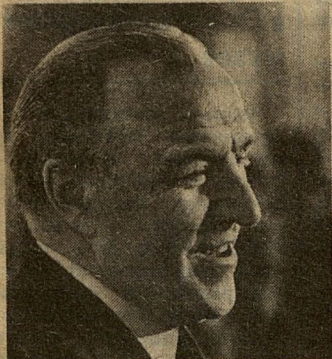

Новогодние встречи: Михаил УЛЬЯНОВ

По обе стороны аншлага

Моск. правда. - 1989. - 1 суб.

Его можно представлять помпезно, перечисляя должности и звания. А можно просто сказать: **МИХАИЛ УЛЬЯНОВ**. И образ мгновенно возникает перед глазами, накрепко связанный с многочисленными ролями этого актера, яркими выступлениями этого страстного, принципиального человека. Мне доводилось и прежде беседовать с ним, потому могу заметить: и «ловить» сверхзанятого Ульянова, и толковать с этим резким, всегда заряженным на полемику человеком проще не стало. Лавры и бремя власти не могут, конечно, не давить — но в данном случае их влияние выражается в основном в виде усталости да хворобы, которая особенно нектати накануне Нового года... Поэтому и беседу мы начали вопреки привычным схемам — с пожелания здоровья, доброго самочувствия. Иначе всего намеченного на 1989-й не переделать. А дел — не впрокорот, не правда ли, Михаил Александрович?

— Формулировку можно применить какую угодно, легче от этого не будет. Да, собственно, где и у кого сегодня легкая жизнь? Бюрократу — и тому приходится вертеться, доказывая свою необходимость и отбивая атаки тех, кто хочет сбросить с нашего корабля этот балласт. Даже внешне пассивный пессимист, не приемлющий перестройку, всегда настороже, готов перейти в контрнаступление — думаю, что мы тут не сгущаем краски...

Тем более не может давать себе послаблений всякий, кому дорого начатое партией, воспринятое нашими душами дело. Что это означает сегодня для меня? Работа в театре, в Союзе театральных деятелей, стремление что-то реально изменить в нашей сфере, выполнить сверхзадачу СТА: создать наиболее благоприятные условия для работы входящих в наш союз актеров.

Кое-что удалось «пробить», сдвинуть с мертвой точки. Уже есть решения, позволяющие нам

доплачивать определенные деньги к актерским пенсиям. Планируем немалые строительные работы: необходимо возводить жилье, дома отдыха, клиники, дома ветеранов сцены. Требовать от театра, от актера творческого взлета, не создав ему нормальных бытовых условий, нельзя.

— А хватит ли у СТА сил и средств, чтобы обеспечить всем необходимым растущую на глазах армию актеров? Их в ушедшем году стало больше — в соответствии с резко увеличившимся числом театральных коллективов, студий...

— Всем мы, как это ни печально, помочь не в силах. Речь идет лишь о членах Союза театральных деятелей. А таковыми могут стать отнюдь не все желающие. Отбор был и дальше будет строгим, в полном соответствии с уставом СТА. При этом хочу подчеркнуть, что руководить театрами, подменять их начальство или Министерство культуры мы не собираемся. Тем бо-

лее не намерены как-то покусаться на их самостоятельность. Театр должен быть самостоятельным, особенно в эпоху гласности.

— И как в этом смысле ощущает себя руководитель Театра имени Евг. Вахтангова?

— Не скажу, что все пути испарились. Но минувший год передает наступившему неплохие заделы во многих отношениях. Применительно к нашему театру имею в виду не только какие-то планы, разработки, которые предстоит реализовать, но и дела вполне конкретные. Пользуясь нынешней самостоятельностью, пригласили в театр двух интересных, высокопрофессиональных режиссеров — Петра Фоменко и Аркадия Каца. Надеемся, что они привнесут в наш коллектив иной уровень постановок, работы с актерами, сценического мышления, наконец. П. Фоменко уже выпустил первый спектакль — «Дело», который кажется нам очень интересным и современным. А А. Кац

репетирует сейчас «Закат» И. Бабеля. Это будет спектакль музыкальный и, предвосхищая возможный вопрос, совсем не похожий на тот, что поставлен в Театре имени В. Маяковского.

— Стало быть, одну из премьер 1989-го мы теперь знаем. Но в этом спектакле, насколько известно в «кругах, близких к театральным», актер М. Ульянов вроде бы не занят. Означает ли это, что художественному руководителю, председателю правления, общественному деятелю теперь не до актерского дела?

— Не совсем так. Во-первых, продолжаю работать в спектаклях прежних лет выпуска. Репетирую и новую роль — в пьесе А. Дударева «Свалка». Хотелось бы, конечно, больше заниматься любимым делом, но, как вы верно заметили, задачи поставлены иного рода, административно-организационные.

— А в кино?

— Могу сказать только об одной роли, к тому же небольшой, в картине студии «Беларусьфильм».

— Думаю, такой поворот огорчит многих любителей театра и кино, поклонников вашего таланта. Насколько он доброволен, насколько от человека, его воли и желания зависят подобные перемены в судьбе?

— Может, ответ прозвучит тривиально, но все же... Дело не в том, что кто-то убедил меня в необходимости принять ту или иную должность. И, естественно, не в жажде власти, начальственных благ. Выбор для каждого продиктован временем и позицией человека по отноше-

нию к тому, что происходит вокруг, в обществе, в театре, в нем самом. Если понимаешь, что надо чем-то пожертвовать, но это во благо, для важнейшего дела — сомневаться долго не будешь. Надо выбирать главное.

А что сегодня главное, с чем самым важным мы пришли в новый год своей истории? Не возмусь формулировать во вселенском масштабе, но замечу одну из ключевых перемен: во многих людях проснулось давно превратившееся почти что в миф чувство долга. У перестройки есть сегодня искренние подвижники — ученые, публицисты, деятели культуры, партийные работники, журналисты, рядовые разных профессий. Не дать их в обиду, не позволить противникам перестройки своими словами и делами посеять в массах сомнение в ее сути и целях — наша общая задача, одна из коренных и в наступившем, и в следующих годах.

Тут необходимо, наверное, короткое авторское отступление. Слушая Михаила Александровича, вспомнил я давний вечер 1981-го, зал в Политехническом музее, встречу москвичей с делегатами XXVI съезда партии. Шла она по привычному тогда распорядку, на уровне барабанно-фанфарных речей по бумажке. И вот одним из последних взял слово Михаил Ульянов. Слово прорвало плотину, взорвало бетонные перегородки гладких фраз. Он говорил, словно классический проповедник, мощно и резко, неожиданно резко. Притих шушукавший до то-

го зал. И настоящей овацией сменились вежливые аплодисменты. Он на мгновение зажег, разбудил людей. Тогда — только на мгновение.

— Сейчас нам и проще, и гораздо труднее жить. Почему труднее, ясно: работы прибавилось, рушим стереотипы, строим новые отношения в разных сферах, в том числе и в театре. Но ведь и простота во всем происходящем есть. Возвращается к нам то, что делало некогда жизнь естественной: честность, порядочность, милосердие. Вечные категории не стареют. И мы должны им следовать, детей своих должны научить им следовать. И внуков. Это гораздо более серьезная гарантия здоровья общества на будущее, чем предлагаемые иными горячими головами «оргмерры» и политические «бастионы».

— Видимо, в строительстве души — а о нем вы, наверное, ведете речь — значительна роль театра, популярнейшего и влиятельнейшего искусства?

— Это бесспорно. Именно поэтому, думаю, сегодняшние процессы в мире театра привлекают такое активное и растущее внимание общественности, так жаростно обсуждаются в печати. Перестройка театра — значительная часть всего происходящего ныне обновления. И конфликты, сопровождающие ее, в значительной мере отражают общие закономерности, проблемы...

— А как будут развиваться события в 1989-м? Можете ли вы дать прогноз?

— Пророчия — не моя стихия. Предугадывать не берусь. Но надеюсь, что наши усилия, как и любая искренняя работа, должны принести реальные плоды.

— С каким пожеланием вы бы хотели обратиться к читателям «Московской правды», ко всем москвичам?

— С тем же, которое могу адресовать каждому из советских людей. Искренне желаю, чтобы 1989 год стал временем укрепления и развития перестройки, ибо это сейчас — основа основ нашей жизни. От исполнения этого желания будет зависеть судьба, жизнь всех и каждого. Момент в нашей истории ныне — и радостный, и драматический, и крайне ответственный. Пусть сбудутся самые смелые и самые чистые из наших надежд. И если приближение к этой цели станет заметным в наступившем году — можно будет считать его удавшимся на сто процентов.

Недолгим был наш диалог. Хвороба не позволяет в эти дни Михаилу Александровичу долго разговаривать, надо беречь голос. Тот голос, что звучит и сегодня свежо, волнующе, взрывающе. Поскольку в театре у Михаила Ульянова, в его позиции нет фальши. А потому и в 1989-м ему гарантирован аншлаг, по обе стороны которого, на сцене и в зале, уважаемы категории честности, порядочности, милосердия...

Ш. МУЛАДЖАНОВ.